

УДК 355.02

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ ВАШИНГТОНА

© 2011 г. **Г.Б. Корсаков***

*Институт мировой экономики и международных отношений РАН,
Москва*

В статье раскрываются тенденции развития военной политики США в свете принятых в первые два года администрации Обамы установок, направленных на реформирование американских вооружённых сил и модернизацию способов ведения боевых действий с целью оказать большее воздействие на соотношение сил в мире.

Ключевые слова: *военная политика, американское доминирование, модернизация вооружённых сил, качественное превосходство, противоракетная оборона, ядерная политика, нераспространение, ядерный терроризм, национальная безопасность.*

В начале второго десятилетия XXI века на политико-военном уровне Соединённые Штаты остаются единственной сверхдержавой в мире. Однако во всех других областях (индустриальной, экономической, финансовой, образовательной, социальной, культурной) распределение мощи смещается в сторону от американского доминирования. Попытки США осуществить свои глобально-имперские устремления, демонстрируя военную мощь, натолкнулись на реальности современного «постамериканского мира» (по меткому выражению американского аналитика Фарида Закарии), отвергающего такой международный однопольный порядок. В результате заметно пострадала американская гегемония, а однополярный мир оказался обречённым на очень недолгую жизнь.

С одной стороны, США пока остаются самым мощным государством планеты, обладающим наиболее сильными политическими позициями, – они руководят в НАТО, раздвигая при этом границы «ответственности» блока, вытесняют Россию из некоторых районов пространства бывшего СССР, возглавляют группу посредников по урегулированию ситуации на Ближнем Востоке, не без успеха тормозят внешнеполитические инициативы других государств, которые не стыкуются с американскими стратегическими установками. С их интересами сегодня не может не считаться ни одно государство.

С другой стороны, Соединённым Штатам всё труднее удастся поддерживать дисциплину даже в рамках того порядка, который был ими самими установлен, навязывать свою волю при решении международных проблем. Поэтому в складывающейся полицентричной системе международных отношений американская военная политика, как считают аналитики, должна стать более гибкой и изощренной. Это – сохранение американского лидерства с помощью

* **КОРСАКОВ** Георгий Борисович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН. E-mail: koroleva@imemo.ru

поддержания выгодного для США баланса сил в мире, недопущение появления равного по силам соперника или коалиции держав, которые могли бы уравновесить американскую политико-военную мощь.

Преемственность

Установка на качественное американское военное превосходство в XXI веке сохранилась и после прихода в Белый дом в начале 2009 г. президента-демократа Барака Обамы. Преемственность военной политики отчётливо просматривается в доктринальных документах по национальной безопасности, принятых демократами за последние два года.

В феврале 2010 г. Министерством обороны (МО) США был опубликован очередной «Четырёхлетний обзор в области обороны» – своего рода «дорожная карта» по американскому военному строительству на текущие четыре года [11]. Этот доктринальный документ органично вписывался в военную политику администрации Обамы, продолжая на концептуальном уровне (хотя и несколько в изменённом виде) курс в области военного строительства, провозглашённый республиканцами в начале XXI века, который уже анализировался на страницах журнала [1].

В предисловии к Четырёхлетнему обзору министр обороны Р. Гейтс (сохранивший свой пост из прежней республиканской администрации) подчеркнул, что документ представляет собой важный шаг на пути к полному институциональному оформлению процессов реформирования [1] и реструктуризации американских вооружённых сил (ВС), призванных найти новый баланс между сегодняшними насущными потребностями и наиболее вероятными и смертоносными угрозами будущего. Впервые главный приоритет при формировании бюджета, политики и программ отдавался текущим конфликтам и тем самым гарантировал необходимую и заслуженную поддержку тем, кто непосредственно находился в зоне боевых действий. Кроме того, в документе признавалось, что США должны готовиться к широкому спектру будущих угроз национальной безопасности – от программ модернизации вооружённых сил других стран до негосударственных групп, разрабатывающих всё более изощрённые и разрушительные средства нападения на США, их союзников и партнёров. С этой целью МО должно продолжать реформирование своей деятельности – от разработки и закупки основных систем вооружений до управления людскими ресурсами. Военный бюджет на 2010 фин. г. стал первым взносом в осуществление расходов в связи с пересмотром баланса приоритетов с учётом уроков военных действий в Ираке и Афганистане. Эти изменения также находят отражение и в бюджете на 2011 финансовый год.

Как следует из Четырёхлетнего обзора, для противодействия факторам, которые могут угрожать способности американских ВС к переброске в различные регионы планеты, сдерживанию агрессии и оказанию помощи американским союзникам и партнёрам, повышенное внимание наряду с другими программами модернизации обычных и стратегических сил будет уделяться новой концепции воздушно-морских операций, нанесению ударов на большую дальность, действиям в космосе и киберпространстве с направлением в эти области всё большего объёма инвестиций.

В документе подчёркивалось, что сила и влияние США как мировой державы тесно связаны с судьбой более широкой международной системы – сис-

темы альянсов, партнёрств и международных организаций, которые Вашингтон помогает создавать и поддерживать вот уже более 60 лет. Поэтому ВС США должны быть готовы выполнять стратегические национальные цели обеспечения стабильности в ключевых регионах, оказывая помощь странам, которые в этом нуждаются.

С учётом этих реалий в рамках Четырёхлетнего обзора ставились две чёткие задачи. Во-первых, дальнейшее *ИЗМЕНЕНИЕ БАЛАНСА* американских вооружённых сил для победы в современных войнах и, во-вторых, дальнейшее *РЕФОРМИРОВАНИЕ* структур и процедур Пентагона для более эффективного удовлетворения потребностей воинских формирований.

Отметим, что в Четырёхлетнем обзоре прямо отражены основные тезисы программной статьи Р. Гейтса «Сбалансированная стратегия. Перепрограммирование Пентагона для нового века», с которой он выступил накануне вступления в должность в новой администрации. Гейтс подчёркивал, что определяющим принципом новой стратегии национальной обороны, разработанной Пентагоном, является сбалансированность: «Соединённые Штаты не могут рассчитывать на то, что им удастся устранить риски национальной безопасности за счёт увеличения военного бюджета – сделать всё необходимое и закупить всё, что требуется. Министерство обороны должно правильно расставлять приоритеты и рассматривать неизбежные компромиссы и альтернативные затраты. Цель нашей стратегии – найти точку равновесия в трёх основополагающих областях. Нужно определить золотую середину между стремлением к доминированию в текущих конфликтах и подготовкой к другим непредвиденным обстоятельствам., между возможностями Пентагона проводить противоповстанческие операции и оказывать военную помощь другим странам., между поддержанием существующего и будущего превосходства в стратегических и обычных вооружениях и технологиях над вооружёнными силами других государств. Наконец, нужно установить баланс между сохранением тех культурных особенностей, благодаря которым вооружённые силы США добиваются успеха, и избавлением от тех, которые мешают нам выполнять необходимую работу» [5].

Аналогичные идеи содержались и в другой важной статье Р. Гейтса о стратегии национальной обороны – «Найти правильный баланс» [6].

Следует отметить, что Р. Гейтс в своих статьях рассматривал обозримое будущее как период почти непрерывных войн с участием США, в связи с чем Министерству обороны, по его мнению, пора было перестроиться на режим работы и менталитет военного времени. При этом министр обороны имел в виду прежде всего так называемые противоповстанческие операции, подобные тем, которые США вели в Ираке и продолжают вести в Афганистане, а не обычные широкомасштабные войны, тем более с применением ядерного оружия*.

Самое опасное для США, писал Р. Гейтс, это проиграть войну в Ираке и Афганистане и оказаться неготовыми к ведению иррегулярных и противоповстанческих войн в других регионах планеты. При этом наиболее опасными, по его мнению, были бы войны, ставшие результатом распада так называемых

* 1 сентября 2010 г. президент Б. Обама официально объявил о завершении боевых действий в Ираке. Из страны выводились в соседний Кувейт около 100 тыс. американских военнослужащих (часть из них отправлялись в Афганистан). В Ираке оставалось около 50 тыс. военнослужащих для оказания «консультативной» помощи иракским силам безопасности. Война в Ираке обошлась Соединённым Штатам почти в 1 трлн. долл., погибло более 4500 военнослужащих.

«несостоявшихся» государств, особенно тех, которые обладают ядерным оружием. В то же время, отмечал глава Пентагона, практически вся закупочная политика Пентагона направлена на обеспечение потребностей широкомасштабной войны, подобной той, к которой США готовились в годы «холодной войны», но американцам вести такую войну, по сути, «негде и не с кем». Поэтому Гейтс называл «нелепым расточительством» использование в борьбе с повстанцами оружия, созданного для высокотехнологичных войн. Он полагал, что США чрезмерно увлеклись погоней за высокотехнологичным оружием, которое является продуктом дорогостоящих разработок времен «холодной войны» и может потребоваться для отражения угроз отдалённого будущего*.

В Четырёхлетнем обзоре-2010 отмечалось, что США оказались перед лицом сложной и неопределенной ситуации в области безопасности, меняющейся возрастающими темпами. Подъём Китая и Индии продолжит влиять на формирование международной системы, которая больше не поддаётся чёткому определению, системы, в которой США останутся самым влиятельным игроком, но всё больше вынуждены будут полагаться на ключевых союзников и партнёров для поддержания мира и стабильности.

Распространение оружия массового уничтожения (ОМУ), указывалось в Четырёхлетнем обзоре, продолжает подрывать глобальную безопасность в мире, дополнительно затрудняя действия по поддержанию мира и предотвращению опасной гонки вооружений. К вопросам, вызывающим у США самую серьёзную озабоченность, документ относил нестабильную ситуацию в каком-либо обладающем ОМУ «проблемном» государстве или его крах, что могло бы быстро перерасти в глобальный кризис, создающий прямую угрозу национальной безопасности США и всему международному сообществу. Глобализация меняет процесс технологических инноваций, подчёркивалось в обзоре, одновременно сокращая барьеры для всё более широкого круга действующих лиц, стремящихся обрести передовые технологии.

Сложность ситуации в сфере международной безопасности, по мнению авторов обзора, вероятнее всего будет возрастать и под влиянием других ярко выраженных тенденций. Растущий спрос на энергоресурсы, быстрая урбанизация прибрежных районов, влияние изменений климата, появление новых штаммов заболеваний и глубокие культурные и демографические противоречия в ряде регионов мира – вот лишь некоторые из тех тенденций, сложное взаимодействие которых, по их мнению, может спровоцировать или усугубить будущие конфликты.

В целях сбалансированности приоритетных задач обзор содержал ряд рекомендаций, направленных на модернизационные изменения и поддержание высокой боеспособности: сухопутных войск; ВМС; ВВС; сил специальных операций; на оперативное наращение средств ПРО морского и наземного базирования. Одним словом, в обзоре рекомендовалось поддержание высокой боеспособности всех видов ВС за счёт принятия на вооружение систем боевого обеспечения расширенной номенклатуры и более высокого качества, в том числе

* Об этом же говорилось ещё в «Стратегии национальной обороны», опубликованной в июне 2008 г.: «США должны сохранить качественное превосходство не только в обычных вооружениях для ведения войн будущего, но и добиться аналогичного превосходства в ведении иррегулярных войн» [7].

новейших радиоэлектронных средств, отказоустойчивых и надёжных систем информации, усовершенствованных систем киберзащиты, повышения надёжности ключевых средств командования и управления, каналов связи, компьютерного обеспечения, разведки, наблюдения и рекогносцировки.

Часть таких усовершенствований, по мнению авторов обзора, потребует слишком больших затрат. В связи с этим предлагались компромиссные решения для восстановления равновесия в военном потенциале США. В частности, рекомендовалось прекратить выпуск новейшего тяжёлого истребителя-бомбардировщика пятого поколения F-22 «Рэптор», реорганизовать процесс закупок новейших ракетных эсминцев *DDG-1000* класса «Зумуолт» и программ перспективных вооружений сухопутных войск, перенести на более поздние сроки производство новых судов – складов подвижного тылового обеспечения, а также удлинить сроки поставки новых авианосцев класса *CVN-21*. Одновременно в ВМС значительно сокращается парк устаревших истребителей четвёртого поколения. Кроме того, в бюджете МО на 2011 фин. г. предусматривается прекратить производство стратегических транспортных самолетов *C-17* «Глоубмастер» ввиду завершения их плановых закупок. Также принято решение приостановить программу замены штабных кораблей, отказаться от новейшего крейсера *CG(X)* и прекратить программу «Управление войсками с помощью компьютерных сетей». Освободившиеся ресурсы будут перенаправлены на другие высокоприоритетные задачи.

В документе особо подчёркивается, что, поскольку США – мировая держава, у которой есть глобальные обязанности, их оборонная стратегия по-прежнему будет направлена на усиление способности решать проблемы глобальной безопасности и на урегулирование сложных вопросов, включая текущие конфликты и необходимость обеспечения безопасного доступа к энергоресурсам.

С учётом требований оборонной стратегии США и необходимости совершенствовать основные силы и средства по широкому спектру задач МО разработало Перспективный план обеспечения обороноспособности на 2011–2015 гг. (*Future Years Defense Plan – FYDP*), в котором предусмотрены следующие общие параметры:

ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ США

СУХОПУТНЫЕ ВОЙСКА:

4 штаба корпуса,

18 штабов дивизий,

73 бригадных боевых группы (45 регулярного состава и 28 в резерве), в том числе: 40 пехотных бригадных боевых групп, восемь бригадных боевых групп «Страйкер», 25 тяжёлых бригадных боевых групп; 21 боевая авиационная бригада (13 регулярного состава и восемь в резерве); 15 дивизионов противоракетных комплексов «Пэтриот»; семь батарей противоракетных комплексов ТХААД (*THAAD*).

ВОЕННО-МОРСКИЕ СИЛЫ:

10–11 авианосцев и 10 авиакрыльев палубной авиации; 84–88 крупных надводных боевых кораблей, в том числе 21–32 боевых корабля ПРО «Иджис»; система «Иджис эшор» (*Aegis Ashore*) с наземными противоракетами SM-3 «Стандарт миссайл-3»; 14–28 малых надводных боевых кораблей (+14 минных тральщиков); 29–31 амфибийно-десантный корабль; 53–55 удар-

ных подводных лодок; четыре подводных стратегических ракетносца с крылатыми ракетами; 126–171 летательный аппарат разведки, наблюдения, рекогносцировки и радиоэлектронной борьбы наземного базирования (пилотируемый и беспилотный); три эскадры кораблей и судов материально-технического обеспечения, в том числе: 30–33 универсальных десантных корабля (+ одна мобильная десантная платформа), 17–25 штабных кораблей и вспомогательных судов (включая универсальные скоростные транспортные суда, три транспорта снабжения класса *T-AKE*, одна мобильная десантная платформа), 51 стратегическое транспортное судно с горизонтальной погрузкой-выгрузкой.

КОРПУС МОРСКОЙ ПЕХОТЫ:

три экспедиционных соединения морской пехоты, четыре дивизии морской пехоты (три регулярного состава и одна в резерве), в том числе: 11 пехотных полков, четыре артиллерийских полка, четыре авиакрыла (шесть самолётных групп, семь вертолётных групп, четыре группы управления, четыре группы снабжения), четыре группы тылового обеспечения (девять боевых полков), семь командных элементов экспедиционных формирований морской пехоты.

ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ:

восемь формирований разведки, наблюдения и рекогносцировки, приравненных к авиакрылу (до 380 самолётов); 30–32 формирования транспортной авиации и дозаправки в воздухе, приравненных к авиакрылу (по 33 самолёта); 10–11 тактических ударных формирований, приравненных к авиакрылу (по 72 самолёта); пять ударных (бомбардировочных) авиакрыльев стратегической авиации (96 тяжёлых бомбардировщиков); шесть формирований по обеспечению превосходства в воздухе, приравненных к авиакрылу (по 72 самолёта); три авиакрыла управления войсками и пять полностью боеготовых центров аэрокосмических операций (27 самолётов); 10 авиакрыльев космических и информационно-операционных операций.

СИЛЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ:

Около 660 формирований специального назначения (в том числе силы специальных операций СВ, ВМС, Корпуса морской пехоты, ВВС и оперативные авиационные формирования), включая: три разведывательно-диверсионных батальона «Рэйнджер», 165 самолётов и конвертопланов для обеспечения мобильности и огневой поддержки.

Противоракетная оборона

Ожидания радикальных шагов по сокращению планов развёртывания в Европе американских средств ПРО, которые возникли после прихода к власти президента-демократа Б. Обамы и его решения отменить размещение элементов ПРО в Польше и Чехии, не оправдались. Более того, в сентябре 2009 г. Б. Обама одобрил рекомендации министра обороны и Комитета начальников штабов о поэтапном подходе к созданию архитектуры европейской ПРО путём совершенствования противоракетного потенциала США и стран НАТО, её оптимизации с упором на развитие проверенных, экономически эффективных технологий, способных адаптироваться к различным изменениям военно-стратегической ситуации [2].

Принятыми в сентябре 2009 г. решениями основная ставка теперь делается на мобильную систему ПРО, которую предполагается развернуть в Средиземном, Балтийском и Чёрном морях, а также на территории ряда европейских государств. Её основу составят корабельная система «Иджис» с противоракетами *SM-3* и некоторые другие системы и элементы, например, транспортный радар *AN/TPY-2*, используемый в составе противоракетного комплекса ТХААД. Наземный вариант противоракеты *SM-3*, предназначенный к развёртыванию на территории ряда стран Европы, будет иметь обозначение «Иджис эшор».

В развитие обновлённой концепции ПРО Пентагон выпустил в феврале 2010 г. «Обзор в области противоракетной обороны», в предисловии к которому подчёркивается, что защита США от угроз нападения с применением баллистических ракет (БР) является критически важным приоритетом США в области национальной безопасности [4].

В документе сформулировано несколько основных направлений развития противоракетной обороны США, их союзников и партнёров от ракетных ударов вероятных противников. Прежде всего, стратегическая система ПРО, развёрнутая в настоящее время на территории США в ограниченном варианте (30 стратегических противоракет ГБИ – *Ground Ballistic Interceptor, GBI*, шахтного базирования в двух позиционных районах на Аляске и в Калифорнии и ещё восемь в резерве), должна обеспечить прикрытие всей территории от единичных ударов МБР.

Следующей задачей является создание противоракетного щита от региональных ракетных угроз, который бы прикрывал экспедиционные вооруженные силы США, а также их союзников по НАТО. Это должно, как считают эксперты, защитить американские воинские контингенты, дислоцирующиеся в Ираке и Афганистане, от ударов БР средней и меньшей дальности. При этом, подчёркивается в документе, все мероприятия США в этой сфере направлены исключительно против Ирана и Северной Кореи и никак не подразумевают нарушение военно-стратегического баланса с Россией и Китаем.

Ещё одним приоритетом развития глобальной системы ПРО американские специалисты считают «испытание новейших противоракетных технологий в реальных условиях». Реализация мероприятий Пентагона в рамках этого направления, по их мнению, позволит гарантировать необходимую эффективность противоракетной технологии до её развёртывания на подготовленных позициях. В документе отмечается, что в последние годы в развитии средств ПРО намечались значительные качественные изменения: выросли характеристики их информационно-разведывательных элементов, обеспечивающих распознавание сложных баллистических целей на фоне применяемых средств противодействия, повысились боевые возможности средств поражения, которые начинают приобретать способность выполнять функции ударных противоспутниковых систем, усиливается оперативная совместимость систем ПРО ряда государств.

Следующим приоритетным направлением развития эшелонированной противоракетной обороны американские специалисты считают разработку новых систем и средств ПРО, создание которых будет оправдано с точки зрения финансовых расходов. Такие перспективные комплексы, по замыслу их разработчиков, должны позволить вооружённым силам США оказывать эффективное противодействие постоянно меняющимся военным угрозам. Отработку но-

вейших противоракетных технологий предполагается проводить, в частности, на территории ряда стран Европы, государств Персидского залива, а также в акваториях Мирового океана.

В сентябре 2009 г. появились американские инициативы по «оптимизации», включающие «Поэтапный европейский адаптированный подход» (*European Phased Adaptive Approach*) с четырьмя фазами развёртывания средств ПРО, который был разработан ещё в 2007 г. и где в качестве позиционных районов развёртывания европейской ПРО указывается ряд стран Центральной и Южной Европы. По мнению американских специалистов, сопряжение информационно-разведывательных средств и, возможно, ударных компонентов глобальной системы ПРО США с нестратегической системой ПРО НАТО может дать возможность в среднесрочной перспективе прикрыть все страны – члены альянса от ударов МБР.

В рамках Поэтапного адаптированного подхода в Европе выполнение первого этапа развёртывания региональной системы ПРО намечено на 2011 г. Следующие три этапа, которые предполагается завершить к 2020 г., будут включать в себя последовательное развёртывание модернизированных вариантов противоракет *SM-3*, средств боевого управления, радиолокационных и других средств обнаружения. С этой целью в 2010 фин. г. на работы по совершенствованию средств ПРО на базе системы «Иджис» было выделено 1,86 млрд. долл.; планами на 2011 г. предусматривается ассигновать ещё 2,2 млрд. долларов.

Как следует из Обзора по ПРО, уже в течение ряда лет противоракета *SM-3* обладает статусом одной из наиболее успешных разработок, имеющих в арсенале Агентства ПРО Министерства обороны США. Наряду с совершенствованием этих противоракет корабельного базирования начаты работы по их адаптации для использования с наземных пусковых установок. Впервые подобный вариант был предложен корпорацией «Рэйтеон» в 2003 г. и в дальнейшем усиленно прорабатывался. Испытания наземного варианта противоракеты *SM-3* могут быть начаты в 2013 г. В 2010 г. Агентству ПРО было выделено 50 млн. долл. на эти цели.

В целом к 2015 г. планируется развернуть противоракеты *SM-3* (мод. *IA* и *IB*) на 16 кораблях в Тихом океане и на 11 – в Атлантическом. Остальные противоракеты будут использоваться для проведения испытаний. Одновременно, в соответствии с очередным соглашением, подписанным между США и Японией в декабре 2004 г., ведутся работы по радикальному усовершенствованию противоракеты *SM-3* (мод. *IIA*), разработка которой началась в 2006 г. Основным отличием данной модификации станет оснащение её ступенью перехвата увеличенного диаметра, усовершенствованной головкой самонаведения и более эффективной двигательной установкой маневрирования и ориентации, что, в свою очередь, увеличит дальность до 1000 км. Полная стоимость разработки этой модификации может составить, по подсчётам американских специалистов, более 3 млрд. долл., при этом в неё также может быть включена стоимость ряда работ, ранее выполнявшихся Агентством ПРО по программе создания миниатюрной ступени перехвата МКВ (*Miniature Kinetic Vehicle – MKV*). МКВ будет конкурировать с разрабатываемой в настоящее время для перспективных вариантов противоракеты *SM-3* ступенью перехвата УКВ (*Unitary Kinetic Vehicle –*

УКВ). Ожидается, что в случае успешных испытаний оперативное развёртывание этих противоракет начнётся в 2015 г., а полномасштабное – в 2018 году.

Планами создания противоракеты *SM-3* (мод. *IIБ*), как следует из Обзора по ПРО, предусматривается дальнейшее повышение характеристик за счёт установки ступени перехвата УКВ увеличенных размеров, обладающих более высокими характеристиками по поиску и распознаванию целей, а также способностью маневрировать на конечном участке. Для этой модификации также предусматривается использовать технологию дистанционного поражения цели, которая будет включать возможность обновления данных от удалённых радаров и систем управления в процессе полёта.

Дальнейшими планами предусматривается, что к 2020 г. появится возможность оснащения противоракеты *SM-3* (мод. *IIБ*) несколькими ступенями перехвата МКВ, масса и размеры которых позволят разместить на её борту до пяти таких аппаратов. Введение подобных усовершенствований, считают американские специалисты, позволит рассматривать эту модификацию противоракеты *SM-3* как ракету-перехватчик, обладающую значительными возможностями по перехвату МБР и БРПЛ, а также их боеголовок на внеатмосферных участках траектории полёта.

В целом, уже в настоящее время системой «Иджис», модернизированной для решения задач ПРО, оснащены 18 кораблей ВМС США. В дальнейшем предполагается, что различными вариантами противоракеты *SM-3* будут оснащены все эсминцы и значительная часть крейсеров – всего 65 кораблей. Принято решение и об оснащении аналогичной системой перспективных эсминцев класса «Зумуолт», находящихся в стадии разработки.

Ещё одним приоритетным направлением развития глобальной системы ПРО специалисты Пентагона называют развёртывание широкомасштабного международного сотрудничества по созданию средств ПРО и организации базовых военных структур для борьбы с БР вероятных противников на всех ракетоопасных направлениях. Как следует из Обзора по ПРО, такой подход должен обеспечить уверенность американских союзников и партнёров в том, что США будут и впредь выполнять свои обязательства по обеспечению их безопасности. Это, по мнению американских специалистов, будет способствовать усилению региональных объединений, целью которых является борьба с государствами, «вызывающими озабоченность» и пытающимися завладеть ядерными и ракетными технологиями. С этой целью в документе не исключалась потенциальная возможность по дополнительному оснащению противоракетами *SM-3* кораблей ВМС Японии (и в настоящее время это уже осуществляется), Южной Кореи, Австралии, Испании, Норвегии, а также, вероятно, ещё ряда государств.

Кроме стран Европы, как следует из Обзора по ПРО, США активно сотрудничают со своими союзниками и партнёрами на Ближнем Востоке, во всём Средиземноморском регионе и в странах Персидского залива. Так, уже с конца 1980-х годов США и Израиль постоянно координируют свои действия по созданию региональной системы ПРО на Большом Ближнем Востоке. В результате проведения совместных НИОКР в Израиле была развёрнута противоракетная система «Эрроу», которая уже продемонстрировала свою высокую эффективность.

Ряд стран Персидского залива также приобрёл американские комплексы ПРО и продолжает закупать эту технику в рамках программы «Экспорт воо-

ружений иностранным государствам». Наряду с поставками в регион американских противоракетных комплексов «Пэтриот-3» (уже развернуто восемь батарей комплекса в четырех странах региона) ВМС США расширяют присутствие здесь своих боевых кораблей, которые имеют все технические возможности для поражения БР средней и меньшей дальности на всех участках траектории полёта.

Таким образом, тенденции политики США в области ПРО, как следует из документа, направлены на создание до 2020 г. нескольких региональных противоракетных систем (как на территориях ряда государств, так и мобильного базирования), которые смогут прикрывать находящиеся там американские объекты, войска и союзников по НАТО от БР средней и меньшей дальности. В то же время США будут продолжать работы по созданию глобальной эшелонированной системы ПРО для защиты национальной территории от БР межконтинентальной дальности. При этом все компоненты ПРО (ударные и информационно-разведывательные), развернутые как на территории США, так и за её пределами, будут объединены единой подсистемой командования, контроля, боевого управления и связи (*Command and Control, Battle Management, and Communications – C²ВМС*).

Ядерная политика

Обладание ядерным оружием, которому присуща «абсолютная» сдерживающая функция, нарушает классическую силовую иерархию, поскольку более слабое государство, если оно обладает ядерным оружием, в состоянии предотвратить применение против него военной силы более мощным противником.

Одним из главных приоритетов американской военной политики после окончания «холодной войны» стало недопущение получения доступа к ядерному оружию потенциальных противников США. Именно это послужило в начале XXI века поводом для военных действий в Ираке и Афганистане, а также для угрозы применения военной силы против Ирана и Северной Кореи. Однако цели военных операций до сих пор не достигнуты. Это, в свою очередь, ограничило возможности силового решения иранской и северокорейской ракетно-ядерных проблем. Поэтому администрация Обамы сделала упор на дипломатические средства укрепления глобального режима нераспространения ОМУ и ракетных средств доставки. Более того, сразу после прихода к власти президент Обама объявил целью американской ядерной политики значительное сокращение стратегических ядерных вооружений.

Такой подход потребовал от американского военно-политического руководства радикального пересмотра ядерной доктрины США. Вашингтон всегда считал ядерное оружие основой своей военной мощи. Новый подход американской администрации делает ставку не на ядерное доминирование, а на подавляющее превосходство Соединённых Штатов в сфере неядерных дальнбойных высокотехнологичных вооружений. Способность нанести «быстрый глобальный удар» с помощью неядерных средств делает излишним применение ядерного оружия. При этом реализация концепции «быстрого глобального удара» вписывается в военную политику администрации демократа Обамы так же органично, как и в военную политику республиканцев.

Подобные концепции появились ещё до прихода Б. Обамы в Белый дом. Так, в 2002 г. администрация Буша-мл. провозгласила обычные высокотехно-

логичные вооружения одним из компонентов новой стратегической триады [3]. А в новых доктринальных документах, принятых администрацией Обамы и излагающих американскую военную политику, эти концепции получили дальнейшее развитие. Так, в опубликованном 6 апреля 2010 г. очередном «Обзоре ядерной политики», фактически определены основы новой ядерной доктрины США на ближайшую перспективу [10]. В предисловии к документу Р. Гейтс отмечает, что Обзор является своеобразной «дорожной картой» по уменьшению ядерных рисков США, их союзников и партнёров. В документе анализируются существующие и потенциальные ядерные угрозы Соединённым Штатам, уточнены роль ядерного оружия и концепция ядерного сдерживания в обеспечении национальной безопасности, намечены основные направления развития ядерных сил, инфраструктуры для их надёжного функционирования, сформулированы подходы к созданию глобального режима нераспространения ОМУ, а также проблеме дальнейшего ядерного разоружения. Американские специалисты особо подчеркивают, что Обзор соответствует общему духу доктринальных документов, принятых администрацией Обамы ранее.

В документе выделены пять ключевых положений современной ядерной доктрины США:

1. Предотвращение ядерного распространения и ядерного терроризма;
2. Снижение роли ядерного оружия в реализации стратегии национальной безопасности;
3. Обеспечение ядерного сдерживания и поддержание стратегической стабильности в условиях снижения уровня ядерных сил;
4. Укрепление регионального сдерживания и гарантий безопасности американских союзников и партнёров;
5. Сохранение надёжного, безопасного и эффективного ядерного арсенала.

Разработчики новой ядерной доктрины считают, что после окончания «холодной войны» система международной безопасности, претерпевая коренные изменения, характеризуется расширением спектра трудно прогнозируемых вариантов развития событий. Как следует из «Обзора ядерной политики», на месте факторов глобального идеологического противостояния двух сверхдержав появляются новые многочисленные потенциальные угрозы, более непредсказуемые и опасные. И хотя угроза глобальной ядерной войны в постбиполярном мире значительно снизилась, мир, отмечается в документе, не стал более безопасным – возрастает риск нападения на США с применением ядерного оружия. Поэтому действующую концепцию ядерного сдерживания, в основе которой было ядерное противостояние с одним государством, следует адаптировать к новым условиям.

Главная угроза национальной безопасности – ядерный терроризм, возрастание заинтересованности и активизация деятельности международных террористических организаций в получении доступа к ядерным технологиям. В документе подчёркивается необходимость содействовать активизации усилий международного сообщества в противодействии ядерному терроризму, для чего, в первую очередь, необходимо обеспечить гарантированную безопасность хранения, транспортировки и использования ядерных материалов, оружия и технологий, а в случае нападения – добиться минимальных потерь среди населения, снизить экономические потери и принять самые жёсткие ответные меры к агрессору.

Другой угрозой национальной безопасности новая ядерная доктрина называет распространение ядерных материалов и технологий среди всё большего количества государств. В первую очередь это относится к Ирану и Северной Корее. В случае сохранения такой ситуации, отмечается в документе, страны, не обладающие в настоящее время ракетно-ядерным потенциалом, вероятно, будут стремиться принять меры к приобретению ядерного оружия или технологии его производства, что, в свою очередь, может вызвать очередной виток неконтролируемого ядерного и ракетного распространения. В связи с этим в документе особо выделяется важность дальнейшего сближения позиций по этим вопросам с ведущими ракетно-ядерными державами – Россией и Китаем.

В Обзоре подчёркивается, что усилия по налаживанию и укреплению стратегического партнёрства с Россией, наличие и совершенствование в США неядерных дальнобойных высокотехнологичных систем вооружений, успехи в создании и развёртывании системы ПРО создают условия для дальнейших сокращений ядерных арсеналов и снижения роли ядерного оружия в обеспечении национальной безопасности. Также подтверждалась готовность к взаимному с Россией сокращению оперативно развёрнутых ядерных боезарядов до 1550 единиц, оперативно развёрнутых стратегических носителей – до 700 единиц, общего количества пусковых установок МБР, БРПЛ и ТБ – до 800 единиц (как развёрнутых, так и неразвёрнутых). Кроме того, принято решение засчитывать один тяжёлый бомбардировщик как одно стратегическое средство доставки, несущее один ядерный боезаряд. Отмечалось также, что в связи с возможным ростом числа стран, обладающих ядерным оружием, американское руководство намерено активизировать международные усилия в борьбе с возросшей угрозой ядерного терроризма. С целью демонстрации серьёзности этих намерений Вашингтон объявил о готовности сократить количество ядерных вооружений ниже уровней, предусмотренных предыдущими американо-российскими договорами в этой сфере. По новому Договору о мерах по сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-3), подписанному между США и Россией 8 апреля 2010 г., у обоих государств через семь лет должно остаться примерно в 2 раза меньше стратегических носителей, чем по Договору СНВ-1, и на треть меньше ядерных боезарядов, чем по Договору СНП. А после ратификации Соединёнными Штатами и Россией нового Договора и вступления его в силу* предусматривается провести переговоры с другими ядерными государствами по вопросам сокращения ядерных вооружений и ревизии их ядерной политики.

Что касается структуры американских стратегических ядерных сил (СЯС), то новая ядерная доктрина США ориентируется на сохранение на вооружении всех ядерных средств нынешней триады) [10], а именно: ПЛАРБ класса «Огайо» с БРПЛ «Трайдент-2», МБР «Минитмен-3», а также тяжёлых бомбардировщиков *B-52H* «Стратофортресс» и *B-2A* «Спирит» (см. табл.).

* 22 декабря 2010 г. Сенат США большинством голосов («за» 71) принял резолюцию, одобряющую Договор по СНВ, что позволяет президенту его ратифицировать. Однако сенаторы-республиканцы настояли на внесении в текст преамбулы договора ряда поправок, в том числе: 1) выделение дополнительно 85 млрд. долл. на модернизацию и развитие ядерного потенциала США и 2) отказ от любых ограничений на развитие системы ПРО. Государственная дума РФ успела до Нового года рассмотреть вопрос о ратификации Договора только в первом чтении.

Таблица

Ядерные силы США, 2010 г.

Тип	Обозначение	Число развернутых единиц	Год начала развертывания	Дальность действия, км	Число боезарядов и их мощность, кт	Количество боезарядов
Стратегические силы						
<i>Межконтинентальные баллистические ракеты (МБР)</i>						
LGM-30G	Minuteman III					
	Mk-12	~ 0	1970	13 000	1–3W62 X170 (MIRV)	~0
	Mk-12A	250	1979	13 000	1–3W78 X335 (MIRV)	250
	Mk-21/SERV	200	2006	11 000	1W87 X 300	250
Всего		450				500
<i>Баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ)</i>						
UGM-133A	Trident II (D-5)	288				
	Mk-4		1992	> 7 400	4W76 X 100 (MIRV)	568
	Mk-4A		2008	> 7 400	4W76–1 X 100 (MIRV)	200
	Mk-5		1990	> 7 400	4W88 X 455 (MIRV)	384
Всего		288				1 152
<i>Тяжёлые бомбардировщики (ТБ)</i>						
B-52 H	Stratofortress	93/44	1961	16 000	КРВБ W80–1 X 5–150	216
B-2A	Spirit	20/16	1994	11 000	Бомбы B61–7/–11, B83–1	100
Всего		113/60				316
Нестратегические силы						
КРМБ Tomahawk		325	1984	2 500	1W80–0 X 5–150	100
Бомбы B61–3, –4			1979		0,3–170	400
Всего		> 325				500
Всего						~2 468

Norris R., Kristensen H. U.S. Nuclear Forces, 2010 // Bulletin of the Atomic Scientists. May/June 2010. P. 57–71.

Планируется, что до 2020 г. в боевом составе морского компонента американских СЯС будут находиться все 14 ПЛАРБ. Вопрос о возможном сокращении их количества до 12 единиц предполагается рассмотреть в зависимости от военно-стратегической обстановки и их технического состояния не ранее 2015 г. Однако даже в случае возможного сокращения числа морских носителей количество ядерных боезарядов, развёрнутых на БРПЛ, сокращать не будут. Вывод из боевого состава ВМС ПЛАРБ класса «Огайо» намечено начать в 2027 г. Их должны заменить атомные подводные ракетоносцы следующего поколения, работы над созданием которых уже ведутся.

На вооружении наземного компонента стратегических ядерных сил находится 450 МБР «Минитмен-3» с одной или тремя боеголовками на каждой. В соответствии с новым Договором по СНВ предусматривается заменить разделяющуюся головную часть всех МБР на моноблочную, снизив общее количество оперативно-развёрнутых ядерных боезарядов*. Реализуемые программы модернизации МБР предполагают сохранение их в боевом составе наземного компонента СЯС до 2030 г., и уже в 2012 г. планируется начать НИОКР по проектированию МБР следующего поколения.

Авиационный компонент американских СЯС, как следует из Обзора, является в отличие от двух других компонентов наиболее выразительным инструментом сдерживания, благодаря «видимости» присутствия сил стратегической авиации в передовых зонах**. При этом тяжёлые бомбардировщики могут применяться как в ядерном, так и в обычном снаряжении. Часть самолетов *B-52H* планируется переориентировать на решение только неядерных задач. На модернизацию самолетов *B-2A* Пентагон выделит до 2015 г. более 1 млрд. долл. Вместе с тем, значительные финансовые средства направляются на разработку стратегического бомбардировщика следующего поколения.

Как одно из важнейших направлений обеспечения стратегической стабильности в новой ядерной доктрине рассматривается предоставление президенту США увеличенного времени на принятие решения по применению ядерных сил. При этом особое внимание уделено модернизации системы боевого управления ядерными силами (*Nuclear Command, Control, and Communication system – NC³*). Также в документе подтверждается положение, принятое в 1994 г. Соеди-

* Процесс, получивший название «демирвирование», по мнению американских специалистов, должен повысить уровень стратегической стабильности посредством уменьшения стимула противоборствующей стороны к нанесению первого удара.

** С июня 2009 г. Министерство ВВС осуществляет формирование Командования глобальных ударов (*Air Force Global Strike Command*), которое в сентябре 2009 г. достигло начального уровня оперативной готовности. Решение о создании Командования глобальных ударов ВВС (авиабаза Барксдейл, штат Луизиана) и передаче в его состав двух основных элементов американской ядерной триады (наземного и воздушного компонентов) было принято в конце 2008 г., поскольку в Министерстве обороны пришли к выводу, что подчинение по административной линии сил МБР Космическому командованию, а стратегической бомбардировочной авиации Боевому авиационному командованию, как это осуществлялось до реорганизации, привело к раздробленности ядерных сил, понижению их статуса, недостаточному финансированию, ослаблению контроля за ядерным оружием, а также вызвало отток профессиональных кадров. Как стратегическая ядерная составляющая ВВС Командование глобальных ударов будет выделять свои силы и средства в оперативное подчинение Объединённого стратегического командования для решения задач ядерного сдерживания с задействованием МБР и стратегических бомбардировщиков.

нёнными Штатами и Россией, согласно которому все БРПЛ и МБР обеих сторон должны быть нацелены в открытые акватории Мирового океана*.

В отношении нестратегического ядерного оружия ядерная доктрина предусматривает:

- сохранить на вооружении тактические истребители *F-16 C/D* «Файтинг фэлкон» в качестве носителей ядерного оружия до сертификации многофункционального истребителя пятого поколения *F-35* «Лайтнинг-2» под ядерные задачи;
- завершить программу продления срока службы управляемых авиабомб *B-61*, обеспечив возможность их применения истребителями *F-35*;
- обеспечить возможность хранения тактического ядерного оружия на территории стран – членов НАТО;
- вывести из боевого состава крылатые ракеты морского базирования «Томахок» в ядерном оснащении, сократив возможности по применению тактического ядерного оружия в передовых зонах.

При этом вопросы применения и размещения ядерного оружия за пределами национальной территории США, как следует из Обзора, военно-политическое руководство и далее будет рассматривать исключительно в рамках переговорного процесса внутри Североатлантического альянса путём коллегиального обсуждения и согласования и в рамках пересмотра Стратегической концепции НАТО**.

Поддержание стратегической стабильности Соединённые Штаты планируют обеспечивать, прежде всего, за счёт развития эшелонированной системы ПРО, а также средств неядерного сдерживания. Основным содержанием такой политики должно стать, по мнению американских специалистов, развитие стратегического диалога с Россией и Китаем, направленного на поддержание устойчивых, гибких и открытых отношений между странами.

Американское руководство заявило о своей готовности к сотрудничеству с Россией в создании совместной системы ПРО, понимая под этим объединение усилий в разработке единой архитектуры противоракетной обороны, интеграцию информационно-разведывательных компонентов системы, а также проведение совместных испытаний, исследований и учений.

В отношении Китая стратегический диалог, утверждается в Обзоре, призван поднять степень взаимного доверия, разработать эффективные механизмы взаимодействия, повысить уровень прозрачности в отношениях и намерениях.

В целом, как указывается далее в Обзоре по ПРО, США будут проводить в дальнейшем такую ядерную политику, которая вела бы к безъядерному миру (инициатива «Глобальный ноль»). На этом пути руководство США намерено рассматривать вопрос о дальнейших сокращениях СНВ ниже уровней, определённых Российско-Американским договором 2010 года.

* Подписанная 14 декабря 1994 г. президентами США и РФ Московская декларация включает Соглашение о ненацеливании стратегических ядерных ракет.

** На Лиссабонском саммите альянса в ноябре 2010 г. была принята новая Стратегическая концепция НАТО, поскольку предыдущая концепция, принятая 24 апреля 1999 г. в Вашингтоне, не соответствовала более военно-политической обстановке в мире и изменившейся роли блока в системе международной безопасности.

Как следует из данного Обзора, ядерный арсенал США включает оперативно развернутые и неразвернутые боезаряды, а также боезаряды, подлежащие демонтажу. Развернутые ядерные боезаряды подразделяются на стратегические (развернутые на стратегических носителях) и тактические (авиабомбы *B-61*, размещенные на шести авиабазах в пяти европейских странах НАТО – Бельгии, Германии, Италии, Нидерландах и Турции). В соответствии с положениями Договора по СНВ 2010 г., в среднесрочной перспективе количество оперативно развернутых ядерных боезарядов предполагается сократить. Неразвернутые ядерные боезаряды представляют собой резерв и обеспечивают определенную страховку на случай возможных технологических неожиданностей и изменений военно-стратегической обстановки. Однако, по мнению разработчиков документа, количество боезарядов в ядерном резерве значительно превышает количество боезарядов, необходимых Национальной администрации по ядерной безопасности для решения задач в рамках выполнения программ ЛИП – «Продление срока службы стоящих на вооружении боеприпасов» (*Life Extension Programs – LEPs*).

Согласно документу, у США имеется несколько тысяч ядерных боезарядов, ожидающих демонтажа. По оценкам американских специалистов, демонтаж этих боезарядов займёт более десяти лет. Кроме того, в документе рассматриваются способы продления срока службы существующих боеприпасов на среднесрочную перспективу посредством утверждённой Конгрессом программы «Управление ядерным арсеналом» – СМП (*Stockpile Management Program – SMP*) и с учётом проводимой Соединёнными Штатами политики нераспространения. При этом американское руководство обещает воздерживаться от проведения ядерных испытаний и добиваться ратификации и вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ); не проводить разработку новых ядерных боеприпасов, реализуя программы ЛИП; продолжить обеспечение безопасности, сохранности и надёжности ядерного арсенала в строгом соответствии с требованиями утверждённой Конгрессом программы СМП; а также поддерживать ядерный арсенал на уровне, минимально необходимом для обеспечения национальной безопасности.

В соответствии с намеченными планами американское руководство собирается полностью финансировать программу продления срока службы боеголовок *W76* для БРПЛ «Трайдент-2» и завершить ее к 2017 г., а также начать реализацию такой же программы для авиабомб *B-61* и боеголовок *W78* для МБР «Минитмен-3» с целью сокращения в будущем номенклатуры ядерного оружия.

Сохранение и поддержание высокой готовности объектов и инфраструктуры ядерно-оружейного комплекса рассматривается в новой ядерной доктрине как важнейшее направление работы по обеспечению национальной безопасности. И хотя программой «Сопровождение ядерного арсенала» ССП (*Stockpile Stewardship Program – SSP*) в течение последних десяти лет на модернизацию объектов ядерно-оружейного комплекса выделялись значительные средства, современное состояние ядерной инфраструктуры характеризуется американскими специалистами в целом как «пришедшее в упадок». Основная причина, по их мнению, – громоздкость и дороговизна обслуживания объектов, построенных ещё в 1940–1950 гг. в рамках «Манхэттенского проекта».

Надлежащее функционирование объектов ядерно-оружейного комплекса требует также наличия достаточного количества подготовленных специали-

стов. В последние годы финансирование подготовки научного и инженерно-технического персонала признано американским военно-политическим руководством недостаточным, что, в свою очередь, привело к дефициту кадров в отрасли, а также снижению престижа работы в национальном ядерно-оружейном комплексе.

Учитывая приоритетную важность поддержания объектов ядерной инфраструктуры в надлежащем состоянии, новая ядерная доктрина предлагает: активизировать проведение НИОКР, направленных на разработку профильных программ и технологий, а также на повышение надёжности ядерных боеприпасов и их сертификации без проведения испытаний в рамках программы ССП; модернизировать инфраструктуру Лос-Аламосской Национальной лаборатории (штат Калифорния) с заменой объектов химической и металлургической промышленности к 2021 г.; модернизировать инфраструктуру Окриджского хранилища (штат Теннесси) с вводом в 2021 г. новой линии по переработке урана.

Не менее важной задачей, по мнению разработчиков доктрины, остаётся оптимизация процессов управления ядерными силами США и повышения эффективности ядерного сдерживания.

В целом современная ядерная политика США направлена на поддержку выдвинутых президентом Б. Обамой инициатив по снижению роли ядерного оружия и формированию в долгосрочной перспективе безъядерного мира с постепенной трансформацией ядерного сдерживания в неядерное на основе обычных дальнобойных высокотехнологичных систем вооружений, а также глобальной системы ПРО.

Приоритеты

В конце мая 2010 г. президент Б. Обама утвердил очередную «Стратегию национальной безопасности», которая декларирует существенное изменение внешней политики и политики безопасности Соединённых Штатов [8]. Новая стратегия, работа над которой велась американскими специалистами под руководством первого заместителя помощника президента по национальной безопасности Бена Роудса, хоть и является скорее декларативным документом, тем не менее «стремится извлечь уроки из прошлого и учесть тенденции будущего развития». Нынешний документ, по мнению американских специалистов, – это стратегия национального обновления и глобального лидерства США (что, собственно, не ново).

Однако если в предыдущих аналогичных документах, принятых при администрации республиканцев, основной упор делался на «глобальную войну с международным терроризмом» – фактически односторонних действиях США и использовании военной силы в широком диапазоне (вплоть до возможных превентивных ударов с применением ядерного оружия), то в новой стратегии главное внимание уделено укреплению самой основы военной мощи и влияния США в мире, т.е. экономике и финансам, образованию, развитию экологически чистой энергетики, науке и технологическим инновациям. Без кардинальных преобразований в каждой из этих областей, как следует из документа, Соединённые Штаты будут утрачивать свою конкурентоспособность (в том числе военно-техническую) в быстро меняющемся мире.

Под национальной безопасностью американские специалисты подразумевают сегодня не только военную безопасность территории, но главным образом способность США как государства оставаться мировым лидером на ключевых направлениях научно-технического прогресса. В документе признаётся, что современные вызовы таковы, что справиться с ними в одиночку не может ни одна страна, иначе неизбежны перенапряжение сил и поражение. Если администрация республиканцев уповала только на военную мощь США, то администрация Обамы делает ставку на способность выстраивать коалиции и становиться их лидером, одновременно стремясь к разделению ответственности с партнёрами.

Среди приоритетов национальной безопасности на первом месте, как следует из документа, стоит предотвращение применения ОМУ против США, их союзников и партнёров, а также политика нераспространения. Следующий по значимости – приоритет в области борьбы с международным терроризмом. Третьим приоритетом названы оздоровление глобальной экономики и мировых финансов и возвращение к устойчивому экономическому росту. Четвёртым американские специалисты считают вопрос о ценностях. При этом администрация Обамы призывает к продвижению «универсальных» ценностей, прежде всего, на примере Соединённых Штатов, но без навязывания их силой. Эта проблема аккуратно вплетается в стратегический диалог с другими странами, на которые США стремятся воздействовать не только собственным примером, но и методами убеждения. В числе таких стран в первую очередь указываются Россия и Китай. Пятым важнейшим приоритетом названо укрепление международного порядка как самостоятельной ценности, а не только как инструмента продвижения американских интересов. При этом в центр современной системы международных отношений американские специалисты поместили Соединённые Штаты (глобальная держава), а вокруг них разместили несколько центров влияния (Европейский Союз, Россия, Китай, Индия). Задача, по их мнению, состоит в том, чтобы превратить многополярный мир в многопартнёрский.

В отношении России, в документе указывается, что США стремятся к сотрудничеству с ней как с ответственным партнёром, но при этом поддерживают суверенитет и территориальную целостность её соседей.

Переоценка инструментария американской военно-политической стратегии, как следует из документа, ведёт к смене акцентов от прямого применения военной силы к воздействию на оппонентов посредством влияния, в том числе экономического и идеологического. В среде нынешнего американского руководства популярна концепция «умной силы» (*smart power*), которая включает «жёсткую» и «мягкую» силу и соответствующий разнообразный инструментарий: вооружённые силы, дипломатию, помощь «поднимающимся» странам, разведку, правоохранные органы, а также (на негосударственном уровне) частные фонды и неправительственные организации. Администрация Обамы считает, что в «проблемных» регионах планеты США должны играть стабилизирующую роль, а их целью должно быть не военно-силовое доминирование, а незаменимое посредничество.

Необходимо отметить ещё одну важную тенденцию развития военной политики администрации Обамы – это акцент на развитие информационного оружия. С его помощью Вашингтон намерен кардинально изменить в свою пользу сложившуюся военно-стратегическую ситуацию в информационном

пространстве. Информационная безопасность («кибербезопасность») и информационная война – новые направления деятельности Министерства обороны США, и всемерное усиление кибербезопасности было объявлено президентом Обамой одним из важнейших приоритетов укрепления национальной безопасности. Сформированное ещё в июне 2009 г. в составе Объединённого стратегического командования США Киберкомандование (*U.S. Cyber Command*) достигло в мае 2010 г. состояния начальной оперативной готовности. Возглавил новое командование генерал Кит Александер, в течение пяти лет до этого руководивший Агентством национальной безопасности. На цели кибербезопасности выделяются огромные средства: в 2010 г. они составили 8 млрд. долл., а к 2014 г. предусматривается их увеличение до 12 млрд., более половины из которых отводится именно Пентагону. Причём если ежегодный рост бюджетных ассигнований по другим направлениям оборонных расходов в среднем в ближнесрочной перспективе не превысит 3-4%, то на нужды кибербезопасности он составит не менее 8%.

Таким образом, все принятые в первые два года администрации Обамы доктринальные документы в области национальной безопасности свидетельствуют, что США не собираются в обозримом будущем отказываться от роли глобального лидера (в первую очередь, на политико-военном уровне) и будут добиваться этого путём расширения инструментария военной политики с применением самого широкого спектра усилий и возможностей.

Список литературы

1. *Корсаков Г.Б.* Направления модернизации вооружённых сил США // США ❖ Канада. 2008. № 1. С. 34–52; также: *Корсаков Г.Б.* Реформирование вооружённых сил США. М.: ИМЭМО РАН, 2006. 140 с.
- 2.. *Корсаков Г.Б.* Новейшие противоракетные технологии США // США ❖ Канада. 2010. № 8. С. 75–88.
3. *Корсаков Г.Б.* Эволюция ядерной политики США (2001–2005 гг.) // США ❖ Канада. 2006. № 6. С. 13–36.
4. Ballistic Missile Defense Review Report. Washington. U.S. Department of Defense. Office of the Secretary of Defense, February 2010.
5. *Gates R.* Balanced Strategy: Reprogramming the Pentagon for a New Age // Foreign Affairs. January/ February 2009. P. 28–40.
6. *Gates R.* The National Defense Strategy: Striking the Right Balance // Joint Force Quarterly. 1st Quarter 2009. P. 2–7.
7. The National Defense Strategy. Washington. U.S. Department of Defense. Office of the Secretary of Defense. June 2008.
8. The National Security Strategy. Washington. The White House. United States National Security Council. May 2010.
9. *Norris R., Kristensen H.* U.S. Nuclear Forces, 2010 // Bulletin of the Atomic Scientists. May/June 2010. P. 57–71.
10. Nuclear Posture Review Report. Washington. U.S. Department of Defense. Office of the Secretary of Defense. April 2010.
11. Quadrennial Defense Review Report. Washington. U.S. Department of Defense. Office of the Secretary of Defense. February 2010.